

УКРАИНСКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ В СЕРЕДИНЕ XVIII В.

А. В. Федорова

*Доктор исторических наук, профессор,
Оренбургский государственный
аграрный университет,
г. Оренбург, Россия*

Summary. The article is devoted to the process of settlement of the Orenburg region in the 18th century. In particular, the resettlement of the Cossacks of Little Russia, starting from 1740, is examined. The activity of the head of the Orenburg Commission, I. I. Nepliyev on the arrangement of immigrants.

Keywords: Orenburg Territory; Little Russia; resettlement; Cossacks; Kyrgyz-Kaysaks; I. I. Nepliyev.

20 августа 1739 г. в России вышел указ, разрешающий принимать черкас на поселение в Оренбургский край. Малороссов в XVIII в. «обыкновенно» называли черкасами [1, с. 466].

В указе от 23 января 1740 г., наряду с вынужденным признанием самовольно прибывших, было повторено требование «о населении крепостей городскими служилыми людьми и черкасами, о чем велено послать указы из Сената в Малую Россию, в которую отсель определено отправить нарочного надежного человека, адресовав его к генералу Румянцову и дав ему надлежащую инструкцию о нечинении обид и старатся, чтоб показанные крепости выше описанными людьми кроме беглых населены были» [7, с. 133].

Кабинет 23 января 1740 г. распорядился послать указы «о публикации в Малой России, чтоб черкасы, желающие на поселение в новых крепостях по Самаре и Яику-реке записывались...» [7, с. 133]. Начальник Оренбургской экспедиции князь В. А. Урусов, увлекшись этой идеей, отправил в Малороссию капитана Качалова, судя по всему, человека делового, напористого, верного службе.

Многие малороссы охотно откликнулись на предложение правительства. В одной деревне все ее жители кроме четырех семей дали согласие на переезд в Оренбургский край [1, с. 467]. В Глуховской сотне, например, решили покинуть Украину 15 казаков. Малороссийская Генеральная войсковая канцелярия, возражая против переселения, обратилась в Сенат с жалобой: «Ежели и впредь из других мест таковыми многими числом с одних владений в Оренбурге будут записываться, то у оных владельцев будет не малая пустота»

Сенат передал заявление в Верховный Кабинет, на которое последовал ответ: «Возможно выпустать позволить из казаков до четвертой доли одной сотни, а из мужиков до четвертой доли одного села» [1, с. 467].

Малороссийские старшины, недовольные решением Верховного Кабинета, препятствовали отъезду их «единоземцев» в Оренбургский край. Князь В. А. Урусов в 1741 г., докладывая о происходившем в Сенат, обращал внимание на нарушения, имевшие место в деле привлечения малороссов к службе в Оренбургском крае. Сенат в свою очередь в том же году дважды указывал «малороссийской старшине и владельцам», чтобы они уже записавшимся казакам и крестьянам для поселения в оренбургские крепости, а также и желающим записаться для переезда «никаких налог, обид, грабительств и разорения и в продаже собственных их грунтов, дворов, хлеба, скота и прочих их имений препятствия и запрещения отнюдь не чинили и желающим к тому переселению не запрещали».

Указы правительства, разрешающие переезд в Оренбургский край, настойчивая агитация капитана Качалова внесли «большое брожение» среди казаков.

Видимо капитан обладал особенными качествами. Ему удалось убедить большую группу малороссов покинуть родные места, известные плодородными землями и благоприятным климатом, и, поверив щедрым обещаниям капитана Качалова, отправиться вместе с детьми, женщинами и стариками в «страну, которой расстояния и местоположения совсем не знали». Часть скота они продали за «бесценок» на месте, часть взяли с собой.

Капитан Качалов, как сказано в рапорте, «черкас немалое число приняли в Самару прислал». Колонистам обещали жалованье для переезда и переселения, свободную продажу недвижимого и движимого имущества, освобождение от уплаты долгов.

Украинцы достигли Волги в конце октября. В донесении из Самары говорилось: «... им ехать в Оренбургские городки за осенним временем никак невозможно, ... понеже как (они) пошли из Малороссии с женами и с детьми, и волею Божьею дорогою как лошади, так и рогатый скот померли; и по прибытии в Самару они поставлены были по квартирам в Самарском уезде» [5, с. 20].

Их разместили севернее г. Самары, в расположении Шешминского полка ландмилиции, имевшего запасы продовольствия и фуража [4, с. 3–12]. Далее в документе отмечается: «... а ныне они пришли во всеконечную бесконечную скудость: многие имеются без одежды и без обуви». Черкасы, как сказано в рапорте, опасались, «чтоб они от осеннего времени и от голоду не померли б, також лошади и коровы (сохранившиеся еще у них) без корму не поморили б » [5, с. 20].

К осени 1741 г. по «Ведомости присланных из Малороссии от капитана Качалова малороссийцев, которым велено быть на поселении при Оренбурхе», числилось всего 689 семей, среди них годных к казачьей службе 935 мужчин, их сыновей – 1134, жен и дочерей – 1661, всех же обоого пола 3730 человек. На этих украинцев приходилось 846 лошадей,

664 вола и 141 корова с подтелками. [2, л. 50 об., 7, с. 134]. В Оренбургский край из различных казачьих полков прибыли:

87 семей – из Полтавского полка;

68 семей – из Сумского полка;

54 семьи – из Харьковского полка;

50 семей – из Прилуцко-Переяславского полка;

201 семья – из Гадяцкого полка;

161 семья – из Лубянского полка;

58 семей – из Нежинского полка [5, с. 20].

Эти данные представили в Сенат 9 мая 1742 г.

Преодолев непростой путь от Украины до Южного Урала, пережив массу бедствий и страданий, черкасы с первого дня пребывания на оренбургских землях поняли, что настоящие страдания – впереди. Никто из них не предвидел такого поворота событий.

Новый руководитель Оренбургской комиссии. И. И. Неплюев распределил малороссов по крепостям, расположенным по реке Яик, – в Расыпной, Чернореченской [8, 9], Нежинской, Татищевой пристани. На реке Самаре украинцев расселили в Красносамарской и Владимирской крепостях.

Судя по донесениям И. И. Неплюева в Сенат, малороссийские колонисты пользовались его поддержкой, «К поднятию их благосостояния предпринимаемы были Неплюевым многие меры, соединенные с довольно значительными государственными издержками».

«Обнадеживающие перспективы» переезда черкасов существовали до конца 1741 г. Руководство Оренбургской комиссии неоднократно получало предложения набрать, кроме уже записанных Качаловым, до тысячи украинских семей. Малороссийская старшина остерегалась оттока подвластного населения, а столичных чиновников волновал тот факт, что набор казаков будет способствовать заселению пограничного Юго-Востока России беглыми. Качалов получил приказ украинцев на службу принимать только «с явным свидетельством, откуда оныя сойдут и прямо ли черкасы, брали б пашпорты ис Малороссийской войсковой канцелярии. А которые черкасы ж пойдут из слободских полков, тем также пашпорты брать ис канцелярии комиссии слободских полков» [3, л. 66; 7, с. 134].

Два положения смущали делового И.И. Неплюева: во-первых, украинцы «почти ни чем не обзавелись, стоили очень дорого своему правительству» на новых местах, и поэтому их существование в Оренбургском крае требовало значительных финансовых средств; во-вторых, количество малороссов, плененных киргиз-кайсаками, катастрофически увеличивалось.

По его расчетам, казна на содержание и жалованье украинцев выделила 30 тысяч рублей [1, с. 468]. Иван Иванович в связи с этим сообщал в Сенат, что, несмотря на принятые меры, «... они в таком состоянии, что и поныне от своей пашни и работы, также производимым им жалованием никто содержаться не может, и повсямесеячно не только написанные в ка-

заки, но и все на жен и детей своих требуют хлеба казенного, а службы от них не только никакой не происходит, но еще и жительство их принуждены другими командированными регулярными и нерегулярными людьми с особливим на то казенным же расходом охранять; к тому же довольно насмотрено и сие, что оные черкасы, получая толь не малая из казны выдачи, такого старания, чтоб им чрез свое домостроительство работою или каким-нибудь промыслом в лучшее состояние себя приводить и чрез то жен своих и детей, не требуя казенного, содержать им, весьма не имеют, паче же в слабость приходя».

Летом 1743 г. киргиз-кайсаки захватили в плен 82 человека из малороссов, поселившихся в Рассыпной крепости и «бывших на жнитве хлеба безоружно» [6].

То же произошло с украинскими переселенцами Нежинского редута, получившего свое название от малороссов Нежинского полка. В результате нападений и уводов за полтора года число служилых малороссов с 935 уменьшилось до 686 человек [5, с. 23].

И. И. Неплюев докладывал в Сенат, что они непригодны для несения воинской службы, среди них «много вдов, сирот, престарелых и малолетних», переселенцы «непрестанно скучают» и мечтают вернуться на родину. Украинские колонисты в основном не были казаками, не знали воинского дела и не могли успешно отражать нападения степняков. Количество родственников, попавших в плен, увеличивалось, и черкасы стали опасаться за свое будущее.

В одном из очередных донесений в столицу руководитель оренбургской экспедиции сообщал: «...они находятся в самом мизирном состоянии и почти голодом умирают» далее он пишет, что среди колонистов «много вдов, сирот, престарелых и малолетних», которые отягощали положение переселенцев. Обращает на себя внимание следующая строка из донесения И. И. Неплюева: «Если они так непрестанно скучают ... и желают, чтобы отпущены были по прежнему в Малороссию» [5, с. 22].

Неплюев дает четкую характеристику переселенцам из Малороссии: «Исправной казачьей службы от них (малороссов) не надежно, яки они из прежних мест не из таких людей, как бы военными быть, но видно, что из крестьян или каких негодных шли» [5, с. 22].

Немногие решили связать свою судьбу с Оренбургским краем, да и они изъявили желание переселиться подальше от азиатской территории. На что И. И. Неплюев ответил: «Понеже от жительства их при самой границе никакой пользы не предвидится, но паче и опасно, чтобы их неосторожных и слабых людей, киргиз-кайсаки внезапными набегами не растаскали, как то прошедшего лета не в одном месте с ним случалось». 6 марта 1747 г. вышел указ Сената, разрешающий черкасам возвратиться на родину, и летом того же года они отправились в Малороссию.

Библиографический список

1. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.: историческая монография. Вып. 3. – Казань, 1897.
2. Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 13
3. ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 9.
4. Завальный А.Н. Украинские этюды: страницы истории самаро-украинских отношений. – Самара, 1996.
5. Перетяткович Г.И. Малороссияне в Оренбургском крае при начале их заселения. – Одесса, 1888.
6. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887.
7. Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII, 1997.
8. Фёдорова А.В. Родная Рассыпная. – Оренбург: Печат. дом «Димур», 2010.
9. Фёдорова А.В. Черноречье на рубеже веков. История села в событиях, фактах, судьбах. – Оренбург: Печат. дом «Димур», 2001.

